

КЛАССИЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В ВОРОНЕЖСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ)*

А. П. Медведев

Воронежский государственный университет

Античная или классическая археология является одной из старейших отраслей современной археологической науки. Именно с античной археологии в Европе XV–XVI вв., а с конца XVIII в. и в России начиналось становление этой гуманитарной дисциплины [1, с. 12–16]. С эпохи Возрождения античная культура стала восприниматься в Европе как классическая (от лат. *classis* – «класс», «разряд»), то есть образцовая, нормативная. Пожалуй, именно это обстоятельство было главной побудительной причиной поиска таких «образцов» сначала в земле Рима и других городов Италии, а с XIX в. – в Греции и на Юге России. В XX в. классическая археология превратилась в комплексную гуманитарную дисциплину, изучающую практически все стороны жизни древних греков, римлян и других народов Средиземноморья и Причерноморья. Именно благодаря археологии античная цивилизация открыла европейским исследователям те грани, которые не нашли отражения в литературной традиции. Современные научные представления об античном обществе и его культуре во многом сформировались в результате кропотливого труда нескольких поколений археологов. На первый взгляд, молчаливые, но весьма информативные археологические источники сделали несравненно более достоверной картину жизни античного общества. Археологи открыли не только выдающиеся произведения античной культуры, но и ее так сказать нижний, «подземный» ярус [2, с. 12]. Трудно переоценить значение археологических материалов в изучении далеких окраин Античного мира, в частности, Северного Причерноморья, где происходили сложнейшие процессы взаимодействия античного и варварского миров [3, с. 359]. Целые исторические периоды этого региона (архаика, поздняя античность) воссозданы в первую очередь благодаря достижениям отечественной археологии и смежных дисциплин – эпиг-

рафики, нумизматики. Однако и для них эмпирический материал поставляет та же археология.

В Воронежском университете классическая археология прошла не простой путь развития. Казалось бы, уже с момента основания университета в 1918 г. появился серьезный шанс на развитие антиковедческих исследований в ВГУ, так как в наш город из Императорского Юрьевского (Дерптского) университета переехала целая плеяда ученых-антиковедов: папиролог и этрусковед А. Г. Бекштрем, эпиграфист М. Н. Крашенинников, санскритолог и эллинист Д. Н. Кудрявский, филолог-классик Б. В. Никольский. Да и первым ректором нашего университета стал известный византинист В. Э. Регель. Из старых юрьевских профессоров немалый вклад в классическую археологию внес Э. Р. Фельсберг – директор Музея изящных искусств при Юрьевском, а затем при Воронежском университете. Еще до революции он в соавторстве с известным искусствоведом В. К. Мальбергом издал два небольших труда, положивших начало изучению так называемой коллекции Карла Моргенштерна – богатейшего античного собрания Музея изящных искусств при Юрьевском университете [4; 5]. До сих пор эти каталоги, включающие краткое описание всех находок этой коллекции, незаменимы при изучении оригиналов, ныне хранящихся в Воронеже [6, с. 144–150, 7, с. 110–124].

Однако, к большому сожалению, вскоре эта многообещающая «юрьевская» школа антиковедения в Воронеже фактически пресеклась в силу ряда объективных и субъективных причин, вызванных бедствиями Гражданской войны, болезнями, голодом, а затем невостребованностью ученых-антиковедов в первые годы после победы Советской власти [8, с. 99–102; 9, с. 16–17]. Более того, в Воронеже не осталось ни одного их ученика, способного сохранить и приумножить классические университетские традиции. Но, к счастью, сохранилось материальное и духовное наследие в виде античной коллекции К. Моргенштерна. Правда, к этому времени Музей изящных искусств фактически перестал быть нужным университету, где был упразднен исторический факультет. А вскоре был

* Исследование выполняется при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 06-06-880395.

закрыт и сам Музей. Поэтому в 1933 г. его коллекция была передана в Областной художественный музей – ныне Воронежский музей изобразительных искусств им. И. М. Крамского. В ВГУ осталась часть университетской библиотеки, в том числе издания многих классических авторов и ряд основополагающих трудов по антиковедению на основных европейских языках, опубликованных в XVII – начале XX в. Забегая вперед, следует указать, что и это книжное богатство будет востребовано (да и то весьма выборочно) лишь спустя полвека.

В 1920 г. в Воронеже появляется филиал Московского археологического института – высшего учебного заведения, ставившего целью научную разработку археологии, археографии и русской истории, а также подготовку специалистов для работы в архивах, музеях и библиотеках. Здесь известный ученый М. К. Паренаго преподавал историю античного искусства, а Т. М. Олейников христианскую археологию [9, с. 19]. Но и это интересное начинание, вскоре также заглохшее и не получило в Воронеже какого либо продолжения, во всяком случае, в области классической археологии.

Следующий «подступ» к антиковедению произошёл в 1940 г., когда в Воронежском университете был создан исторический факультет. Весьма знаменательно, что тогда одной из первых была организована кафедра истории древнего мира [8, с. 290–291]. Ее возглавил Сергей Несторович Бенклиев, прошедший хорошую ленинградскую школу антиковедения и успевший поработать в Томском пединституте [10, с. 98–99]. В годы Великой Отечественной войны на плечи доцента С. Н. Бенклиева легла вся тяжесть организационной работы. Будучи деканом исторического факультета, эвакуированного в Елабугу, он сумел привлечь к преподавательской работе таких первоклассных антиковедов, как А. И. Болтунова, С. И. Ковалев, М. И. Максимова [11, 109–110]. Тогда проводились совместные заседания кафедры истории древнего мира ВГУ и Института истории материальной культуры. На протяжении почти сорока лет С. Н. Бенклиев вел на факультете общие курсы по истории Древнего Востока и Античного мира, включавшие материалы и по античной археологии. Именно ему факультет обязан тем, что антиковедческие традиции не пресеклись в Воронежском университете в 40–50-е годы. Многие поколения выпускников нашего факультета помнят блестящие лекции С. Н. Бенклиева по древней истории. Но, к

сожалению, своей научной школы ему создать так и не удалось.

Безусловно, зарождению классического направления на историческом факультете ВГУ во многом способствовал переезд в Воронеж в конце 40-х гг. XX в. профессора Ильи Николаевича Бороздина [12, с. 75–78]. Еще в самом начале XX в. он успешно занимался древней историей и классической археологией Северного Причерноморья [13]. И хотя к 50-м годам его интересы сместились к более поздним периодам истории, в Воронежском университете он читал курсы лекций по истории Восточной Римской империи и по античной историографии [14]. Именно И. Н. Бороздиным был сделан очень важный шаг, впоследствии оказавшийся судьбоносным для становления антиковедческого направления в нашем университете [15, с. 218–219]. В 1957 г. он пригласил в Воронеж Александра Иосифовича Немировского – выпускника Московского Государственного университета, уже тогда известного специалиста по истории Древнего Рима [16, с. 183–186]. С деятельностью этого выдающегося и многогранного ученого связано становление антиковедения в Воронежском университете. Здесь А. И. Немировский в 1965 г. успешно защитил докторскую диссертацию по истории Раннего Рима и Италии, незадолго до этого опубликованную в виде двух монографических исследований [17; 18]. Ученый исключительно широкой эрудиции, прекрасно знавший кроме основных европейских древнегреческий, латинский и этрусский языки, он помимо античной письменной традиции широко использовал археологические материалы из новейших раскопок в Риме и городах Этрурии.

В 1968 г. А. И. Немировский организовал и возглавил кафедру истории древнего мира и древних языков Воронежского государственного университета. Тогда же он создал специализацию по древней истории, где вел большинство спецкурсов, в том числе единственный в нашей стране курс этрускологии [19, с. 22–30]. Помимо него неоценимый вклад в подготовку воронежских антиковедов, в особенности в обучение студентов древним языкам внесли Виктория Ивановна Козловская, Лиана Александровна Сахненко, Александр Самуилович Крюков, позже Георгий Янович Веллас, читавший в начале 70-х годов курс по истории античного искусства. Важно, что тогда занятия со студентами проводились в античном зале и фондах Музея изобразительных искусств, где они имели возможность ознакомиться с подлинниками расписных греческих и этрусских сосудов, а также другими

произведениями древнего искусства. Помимо университетских преподавателей в те годы нам посчастливилось слушать лекции по классической археологии у д. и. н. Дмитрия Борисовича Шелова, по античной эпиграфике у проф. Эллы Исаковны Соломоники, по античному искусству у доц. Татьяны Ивановны Фармаковской. Поэтому далеко не случайно, на первую половину 70-х годов приходится расцвет воронежского университетского антиковедения. Тогда группа специализации по кафедре истории древнего мира насчитывала всего от одного-двух до семи человек (при наборе на истфак не более 50 студентов в год). Следует отметить, что ее прошли все ведущие преподаватели нашей кафедры, которые и поныне ведут базовые лекционные курсы по древней истории (Л. М. Коротких, А. П. Медведев, Н. П. Писаревский). Также, наверное, не случайно и то, что все они, как, впрочем, и многие другие ученики А. И. Немировского, давно защитили докторские диссертации.

Говоря о становлении античной археологии в Воронежском университете, следует особо выделить еще одну заслугу профессора А. И. Немировского – его научный вклад в изучение и преподавание истории классической археологии. С конца 60-х годов он успешно занимался этой проблематикой, что вскоре нашло отражение в читаемом им спецкурсе, а затем книге «Нить Ариадны» [20]. По существу это было первое исследование истории открытия и изучения классических древностей, изданное в нашей стране при Советской власти. Оно написано в виде популярных очерков, но выполнено на самом высоком научном уровне. До сих пор эта книга остается ценным и кажется единственным пособием по истории отечественной и зарубежной античной археологии.

Практически одновременно с организацией кафедры и специализации по древней истории А. И. Немировский выступил инициатором проведения полевых археологических практик в античных городах Северного Причерноморья. Он сумел организовать поездки специализирующихся по кафедре студентов сначала в древний Херсонес, затем в Ольвию. Следует отметить, что самое активное участие в их осуществлении принимала преподаватель кафедры истории древнего мира Виктория Ивановна Козловская. Именно на ее хрупкие плечи легла основная тяжесть все подготовительной и организационной работы наших практик в Херсонесе и Ольвии.

Нужно признаться, что первые впечатления, полученные на этих раскопках, остались у многих

из нас на всю жизнь. Я прекрасно помню, как в июле 1971 г. в Херсонесе в две смены (чтобы не оставлять свой объект нашим сменщикам из Симферополя) работал на расчистке римских терм, а также закладывал стратиграфические шурфы у подножья «башни Зенона» под руководством заместителя директора по научной работе Херсонесского музей-заповедника Инны Анатольевны Антоновой. Еще более запомнился сезон 1972 г. в Ольвии, где мы принимали посильное участие в охранных раскопках в Террасовом городе под руководством сотрудника Одесского археологического музея Э. И. Дьяманта. Затем я целую неделю ходил с теодолитной рейкой за начальником Ольвийской экспедиции Сергеем Дмитриевичем Крыжицким, выполняя совсем непонятную (и как казалось тогда не интересную) для меня работу. Как теперь я понимаю, С. Д. Крыжицкий в том сезоне принимал Ольвийскую экспедицию и проводил важные работы по планированию будущих раскопок и их топографической привязке.

В то далекое лето 1972 г. в экспедицию приехал сам А. И. Немировский. Он организовал незабываемый вечер встречи с супругой Б. В. Фармаковской – Татьяной Ивановной Фармаковской. На берегу Бугского лимана у ночного костра, оно нам много поведала из нелегкой, но яркой судьбы одного из наиболее выдающихся корифеев русской классической археологии. Такое неформальное общение с учеными-антиковедами разных поколений имело для нас, студентов, не меньшее значение для приобщения к духу Античности, нежели сами ольвийские или херсонесские раскопки. В результате в античных экспедициях рубежа 60–70-х годов в Воронеже выросло целое поколение «херсонеситов» и «ольвиополитов». Некоторые из них вскоре издали ряд научных студенческих работ, а затем успешно защитили дипломы по классической археологии: С. Р. Хайкин по коллекции античных монет из Воронежского Музея изобразительных искусств, Н. П. Писаревский по истории античного мореплавания в Северном Причерноморье (через четверть века он по этой же теме успешно защитил докторскую диссертацию), Т. С. Старцева по чернолаковой керамике поселения Панское IV в. Северо-Западном Крыму, А. П. Скогорев по античным светильникам Ольвии.

Однако справедливости ради следует признать, что тогда наша кафедра не проводила самостоятельных исследований в области классической археологии Северного Причерноморья. Воронежские студенты принимали лишь посильное участие

в работе других экспедиций, прямо скажем, преимущественно в качестве землекопов. И тем более, уж никто нас специально античной археологии, ее методам не обучал. Время от времени такие поездки под руководством Н. П. Писаревского и Л. М. Коротких проводились и позже. А затем это интересное начинание как-то постепенно заглохло. Безусловно, здесь в первую очередь сказался уход в 1977 г. с исторического факультета ВГУ А. И. Немировского. Думаю, что в это время на нашей кафедре не оказалось личности, способной продолжить его дело. Сказалось и то, что среди руководителей «античных» групп 70–80-х годов не было профессионального археолога, способного органически включиться в весьма сложный процесс исследования античных памятников и приобщить к нему наших студентов. В то время я занимался исследованием скифо-сарматских древностей, хотя время от времени выезжал и на раскопки античных памятников. Особенно много мне дало участие в исследовании архаического поселения Бейкуш на Ольвийской хоре в 1995–1996 гг. под руководством известного киевского археолога С. Б. Буйских.

В конце прошлого – начале нынешнего века предпринимались и другие попытки если не возродить, то, хотя бы оживить классическое антиковедение в Воронежском университете. Так в 2001–2002 гг. мною были организованы трехнедельные поездки студентов ВГУ в Севастополь, где они не только отдыхали, но и принимали участие в раскопках Херсонеса, а также знакомились с античными памятниками Крыма. Одновременно в 1996–2001 гг. работал городской проблемный семинар «Древние цивилизации (Археология мифа)», где большинство докладов молодых преподавателей, аспирантов и студентов затрагивали античную проблематику [21, с. 136–145]. С 2000 г. по кафедре археологии и истории древнего мира стал читаться спецкурс «Классическая археология» [22]. Античные археологические материалы широко используются авторами других спецкурсов и спецсеминаров: доц. Л. М. Коротких по истории Западного Средиземноморья, доц. Н. П. Писаревским по истории греческих городов Северного Причерноморья. Однако мне как археологу с каждым годом становилось все яснее, что без «своего» античного памятника развитие классического направления в университете невозможно.

Новый этап в развитии классической археологии в Воронежском университете напрямую связан с нашим участием в раскопках древней Фанагории.

Но вначале несколько слов об этом выдающемся античном памятнике.

На Юге России есть один регион, являвшийся две тысячи лет назад частью Античного мира. Сейчас он называется Таманью. Две с половиной тысячи лет назад здесь находилась древняя Синдика – «страна синдов», позже вошедшая в состав Боспорского государства. Фанагория – один из самых старых городов нашей страны. Древнейшее дошедшее до нас упоминание о нем появилось 2,5 тыс. лет назад в сочинении греческого географа Гекатея Милетского: «Город Фанагория, получивший название от Фанагора, как говорит Гекатей в описании Азии: город Фанагора...» (Jakoby, fr. 212).

В античной традиции сохранились и другие свидетельства (Евстафия, Псевдо-Арриана и Псевдо-Скимна), раскрывающее тайну основания этого города. К середине VI в. до н. э. полчища персидского царя Кира захватили практически все независимые греческие города Ионии. Угроза нависла над маленьким Теосом – греческим полисом, располагавшимся на одноименном острове. Но свободолюбивые островитяне не дали Киру Великому «землю и воду». Не желая подчиняться чужеземному владычеству, граждане Теоса вместе с женщинами и детьми сели на корабли и покинули родину. Вначале они основали во Фракии город Абдеры, но вскоре были выбиты оттуда воинственными фракийцами. После поражений, неудач и скитаний беглецы высадились на берегу Таманского залива и основали здесь новый полис. По расчетам ученых это произошло около 540 г. до н. э., что полностью подтверждают и данные археологии [23, с. 20–22]. Известно, что во главе переселенцев стоял некто Фанагор. О нем мы больше ничего не знаем. Но, видимо, это был выдающийся человек – по его имени город получил красивое название Фанагория. Вскоре она превратилась в столицу Азиатского Боспора.

Как город Фанагория просуществовала свыше 1500 лет, пережила античную эпоху и погибла в X в., видимо, в результате вражеского вторжения. Сейчас это самый крупный памятник античной археологии, сохранившийся на территории России. От Фанагории осталось большое городище площадью свыше 60 га, а также огромный «город мертвых». За столетия существования города площадь некрополя выросла до 500 га.

Со временем примерно третья часть города оказалась под водой из-за естественного подъема уровня моря. До последнего времени здесь исклю-

чительно результативные исследования проводила Воронежская подводная экспедиция во главе с Виталием Николаевичем и Еленой Евгеньевной Лагарцевыми, работавшая в составе комплексной Таманской экспедиции ИА РАН. Именно она совершила одно из самых интересных открытий в области морской археологии за всю историю ее существования в нашей стране. Воронежские подводники, среди которых были наши выпускники и студенты, в 2004 г. нашли под водой гигантское сооружение, сложенное на закате античной цивилизации из каменных блоков, старых надгробий, надписей, скульптур умирающего города Фанагории [24, с. 260–280; 25, с. 155–173]. Этот своего рода подводный музей и огромный архив каменных книг, уже получил название «Русской Атлантиды». И вот в этом благодатном для историков и археологов месте посчастливилось работать студентам и преподавателям Воронежского университета. Кажется, мы там оказались совсем не случайно.

Зная о давних антиковедческих традициях в Воронежском университете и о моем пристрастии к античности, шесть лет назад к нам обратился начальник Фанагорийской (ныне Таманской) экспедиции Института археологии РАН Владимир Дмитриевич Кузнецов с предложением принять участие в раскопках Фанагории. Приглашение было заманчивым, но для меня оно означало серьезную переориентацию научных интересов из привычной скифологии в классическую археологию – смежную, но все же иную научную субдисциплину. Поэтому сначала в 2001 г. я отправил «на разведку» в Фанагорию опытного студента-старшекурсника Сашу Безматерных. Он принимал участие в исследовании подводной Фанагории и привез домой самые лучшие впечатления. После нелегких раздумий предложение В. Д. Кузнецова было принято.

В августе 2002 г. группа студентов-старшекурсников впервые приехала в Фанагорию. Тогда наша экспедиция была обеспечена финансово весьма слабо в основном за счет гранта «Интеграция» и многое держалось лишь на энтузиазме студентов. Первые годы воронежцы далеко не случайно работали на раскопках грандиозных курганов фанагорийской знати высотой 6–8 м, поскольку мы имели немалый опыт исследования подобных погребальных памятников в нашем регионе. Затем наступило время исследования Восточного некрополя. В 2004 г. воронежцы еще работали на раскопе под руководством одного из старейших членов Таманской экспедиции, доцента Московского Универси-

тета дружбы народов Татьяны Георгиевны Шавыриной. А с 2005 г. мы ведем здесь самостоятельные изыскания. Это означает, что все научно-исследовательские работы целиком ложатся на воронежцев.

Поэтому хотелось бы обратить внимание на существенное отличие нашего статуса в составе Таманской экспедиции от отрядов других вузов. Если преподаватели из Казанского, Магнитогорского, Самарского, Екатеринбургского и других университетов просто привозят своих студентов на практику в Фанагорию и передают их в распоряжение столичных археологов (эту стадию мы прошли в Херсонесе и Ольвии еще в 70-е годы), то воронежцы проводят самостоятельные исследования ее «города мертвых», начиная от первого вбитого колышка на раскопе до написания и сдачи научного отчета со всеми вытекающими правами на полученные научные результаты вплоть до публикации. Это весьма нелегкая ноша. Но, я считаю, что только на таких условиях университетские ученые могут плодотворно сотрудничать с академическими структурами.

Подобное сотрудничество открывает немалые возможности, так как академические экспедиции, как правило, исследуют крупные объекты республиканского или мирового значения, которые нашим университетам зачастую просто не по зубам. Немаловажно и то, что они располагают средствами, необходимыми для проведения археологических исследований на должном уровне, а они становятся все более дорогостоящими. В условиях все возрастающей нищеты нашей науки и отсутствия какой-либо ее поддержки в Воронежской области я вижу в такой научной интеграции один из путей не только выживания, но и развития археологии как науки. В соответствии с Договором о сотрудничестве ВГУ и Института археологии РАН наши студенты в Фанагории обеспечены необходимыми бытовыми условиями и трехразовым горячим питанием, а студентам-старшекурсникам гарантирована оплата проезда. В Таманской экспедиции мы пользуемся не только дорогостоящей землеройной техникой, но и современным электронным оборудованием. Сейчас оно таково, что позволяет еще до раскопок выявить основные объекты, находящиеся глубоко под землей и заранее скорректировать план предстоящих исследований.

Но выгоды от интеграции с большой академической наукой отнюдь не только финансовые и практические. В последние годы в Таманской экс-

педиции, в первую очередь благодаря исключительной активности В. Д. Кузнецова удалось собрать настоящее созвездие ученых. Это Президент Российской ассоциации антиковедов академик Григорий Максимович Бонгардт-Левин, член-корреспондент РАН Рауф Магомедович Мунчаев, семь докторов и 16 кандидатов различных наук, свыше десятка аспирантов и около 200 студентов. Признаюсь, что здесь мы впервые начали работать так, как, видимо, и должны работать современные археологи в большой комплексной экспедиции. Например, весь амфорный материал из нашего раскопа определял профессор СГУ Сергей Юрьевич Монахов – ведущий специалист в этой области антиковедения в нашей стране, монеты – профессор Магнитогорского университета Михаил Васильевич Абрамзон, антропологию д. и. н. Мария Всеволодовна Добровольская из Института археологии РАН. Такие же заключения высококвалифицированных специалистов мы получаем по остеологии, почвам и другим важным источникам информации, сопутствующим археологии.

Но есть и другая не менее, а может быть и даже более важная сторона академической и вузовской интеграции в Таманской экспедиции. Наши студенты – и первокурсники-практиканты, и старшекурсники – имеют прекрасную возможность не просто консультироваться с этими специалистами – они каждый день работают с ними бок о бок, делая одно общее дело – исследование славного греческого города Фанагории. Они слушают их интересные лекции и имеют возможность напрямую общаться с выдающимися учеными, например, с тем же Г. М. Бонгардт-Левиним. Наши ребята работают вместе со студентами других вузов – а их в прошлом году в Фанагории было целых шесть. Само по себе это тесное общение играет немалую роль в их, так сказать, самоидентификации – оно позволяет воочию увидеть как сильные, так и слабые стороны их профессиональной подготовки. В общем, к концу нашего пятого сезона в 2006 г. стало ясно, что в Воронежском университете сложилась хорошо подготовленная команда профессионалов, способная выполнять самые разные виды археологических работ на таком сложном памятнике, как Фанагория.

На Тамани студенты ВГУ не только плодотворно работают, но и полнокровно, с пользой для своего профессионального роста отдыхают. Исключительно важно то, что Фанагория находится в центре скопления памятников античного времени – к югу от нее располагается греческий город

Гермонасса (совр. Тамань), к юго-востоку – Горгиппия (совр. Анапа), к северу греческий городок Кепы, к северо-западу, на противоположном берегу залива – Патрей и другие малые города Азиатского Боспора. В хорошую погоду из Фанагории виден Пантикапей – столица Боспорского царства (ныне г. Керчь). Выгодное географическое положение позволяет с минимальными затратами организовать ряд археологических экскурсий в названные выше древние города, причем, в то самое время, когда там ведутся археологические раскопки. На выходные студенты имеют возможность попасть «за границу» – в Керчь и Крым, осматривают Пантикапей, Царский курган и малые города Европейского Боспора. Они обязательно посещают Тамань – а это не только тот самый «скверный городишко из всех приморских городов России», о котором писал М. Ю. Лермонтов, но и Гермонасса, позже хазарская Таматарха и древнерусская Тмутаракань. Здесь как нигде почти осязаемо ощущаешь Время Истории – мощность культурных наслоений на Таманском городище достигает 10–12 м, в Фанагории 5–6 м.

Я убежден, что не будь Фанагорийской экспедиции, мало у кого из наших студентов была бы возможность посетить столь значимый, но находящийся в стороне от больших дорог уголок античной и российской истории, каким является Тамань. Думаю, что такой полноценной базы археологической практики для антиковедов как Фанагория, сейчас не имеют даже столичные российские университеты – Московский и Санкт-Петербургский. Я уверен, что ее адрес – Краснодарский край, Темрюкский р-н, пос. Сенной – на всю жизнь запомнила не одна сотня студентов ВГУ, прошедших через Фанагорийскую экспедицию. Такова аура и влияние этого необычного памятника античной археологии и истории.

Ну а теперь несколько слов о наших последних открытиях в Фанагории. Лишь за два полевых сезона в Восточном некрополе исследовано около сотни античных погребений. Самые ранние из них датируются эпохой эллинизма, наиболее поздние IV–V вв. н. э. Кроме того, под некрополем обнаружены остатки неизвестного ранее поселения, существовавшего в V–IV вв. до н. э., то есть еще до того времени, как на этом месте стали совершаться первые захоронения и оно превратилось в некрополь. Возможно, это поселение играло ту же самую роль, что и известное Ольвийское предградье. Полученные многочисленные материалы впервые позволяют проследить эволюцию склепов

и других типов погребальных сооружений фанагорийского некрополя на протяжении более полутора тысячелетия.

В ходе раскопок собрана богатейшая коллекция находок, насчитывающая свыше тысячи предметов. Среди них чернолаковая и краснолаковая керамика, акварельные боспорские пелики, надгробные рельефы. Последние передают сложные сюжетные композиции, выполненные как в чисто античной (рис. 1 а), так и местной художественной традиции, включая рельефы с изображениями так называемых «боспорских всадников» (рис. 1 б). Найдено немало произведений античного искусства: голова известняковой скульптуры фанагорийца с явными портретными чертами (рис. 2 а), терракотовые статуэтки (рис. 2 б) и головки прекрасных гречанок, увенчанные позолоченными венками (рис. 2 в). Их налепные фигурки украшали большой чернолаковый сосуд типа кратера времени Александра Македонского или его диадохов. В погребениях обнаружено множество украшений, фибул, монет и других ценнейших источников по истории повседневной жизни и заупокойного культа древних эллинов последних веков I в. до н. э. – первых веков I тыс. н. э.

В 2006 г. в Восточном некрополе Фанагории Воронежской экспедицией исследован большой склеп площадью более 20 м² с останками не менее чем десяти фанагорийцев. При них были найдены полторы сотни вещей: керамика, монеты, украшения, в том числе из золота, гипсовые фигурные прилепы в виде людей и животных. Но самой загадочной находкой оказался маленький золотой жетон, на котором выгравировано изображение мужского божества (рис. 3 а). Его телу далеко не случайно придана крестообразная форма, характерная для античных герма, а на голове показаны лучи сияния. Подобные жетоны были своего рода пропуском, знаком посвящения в тайный религиозный союз. Захоронение датируется самым началом I в. н. э., то есть временем жизни Иисуса Христа. Но нам достоверно известно, что крест как важнейший символ новой религии получает широкое распространение не ранее IV в., лишь с эпохи Константина Великого. Я убежден, что еще не одно поколение историков будет ломать голову над этой находкой, поставившей вопрос, что за божественный персонаж скрывается за изображением, найденным в далекой Фанагории?

В 2005 г. в Восточном некрополе Фанагории впервые открыта весьма представительная серия позднеантичных захоронений IV–V вв. н. э. И они

оказались совсем не такими, как ожидали. Судя по нашим раскопкам, в культуре и жизни Фанагории этого времени явно уже доминировал местный «варварский» компонент – потомки ираноязычных сарматов и алан, осевших в этом городе [26]. По существу это были уже *греко-сарматы*. Указанный этноним упомянут лишь один раз в «Книге происхождения», представлявшей латинский перевод греческой хроники епископа III в. Ипполита Портского (Lib. gener.: 34). Его «греко-сарматов» можно было бы принять за очередную «мнимую реальность», существовавшую лишь в голове позднеантичного автора. Однако археологические материалы из раскопок фанагорийского некрополя убедительно свидетельствуют о том, что на закате античной эпохи на Тамани действительно существовал народ, по культуре и обрядности во многом соответствующий этому этнониму. Фанагорийские материалы являются принципиально важными для понимания судеб позднеантичных городов Боспора, в частности для решения весьма актуальной проблемы культурного континуитета – дисконтинуитета в «темные века» переходной эпохи от Античности к Средневековью [27, с. 216–220].

Не могу не упомянуть еще одну находку. В одном из самых поздних фанагорийских погребений обнаружено золотое ожерелье (рис. 3 б). Ему сейчас удалось найти ряд точных аналогий не только в Танаисе, Крыму, но и на Дунае, в Южной Галлии и даже Испании [28, р. 247–255]. Оказалось, что такие ожерелья точно маркируют путь алан – выходцев из наших степей. В начале V в. н. э. они совершили почти невероятную «одиссею» – с боями прошли путь от Кавказа до современного Туниса и основали там вместе с германцами-вандалами соединенное королевство. И самое восточное свидетельство начала этого пути найдено нами в Фанагории.

Сейчас материалы из раскопок Восточного некрополя 2005 г. подготовлены к публикации и вскоре будут изданы в новом научном альманахе «Фанагория». Это более чем актуальная задача, так как ни одного фанагорийского погребального комплекса полностью до сих пор не опубликовано! Но еще до полного научного издания результатов наших раскопок археологические находки из Фанагории легли в основу многих курсовых и дипломных работ наших студентов. А осенью 2007 г. в ВГУ появились первые аспиранты по фанагорийской и боспорской тематике.

В заключении я хотел бы остановиться, пожалуй, на самом важном – воспитательном и миро-

Рис. 1. Фанагорийские надгробия из раскопок 2006 г.
а – погребение 72; б – погребение 71

Рис. 2. Находки в Восточном некрополе Фанагории 2005–2006 гг.
а – голова фанагорийца из погребения 80 2006 г.; б – головка гречанки
в позолоченном венке из тризны 1 2005 г.; в – терракотовая фигура
из погребения 84 2006 г.

Рис. 3. Золотые изделия из Восточного некрополя Фанагории
а – погребение 84 2006 г.; б – погребение 39 2005 г.

воззренческом аспекте участия студентов и преподавателей ВГУ в исследованиях древней Фанагории. Как известно, в центре античной цивилизации стоял человек, впервые приблизившийся к пониманию своего назначения в этом мире. Высокий гуманистический и эстетический идеал Античности наложил неизгладимый отпечаток на классическую археологию и на профессию археолога-классика. Дело в том, что при раскопках античных памятников исследователи каждый день общаются с фрагментами *подлинной греческой или римской культуры*, будь то простая греческая амфора для вина или настоящее произведение искусства. Иначе говоря, в Фанагории студенты познают античную цивилизацию не из сухих строк учебника истории или культурологии, а непосредственно в ходе археологических раскопок. Более того – они сами участвуют в ее открытии. Никого не может оставить равнодушными только что появившиеся из-под кисти археолога керамические головки юных гречанок, украшенные позолоченными венками, или надгробный каменный рельеф с печальной сценой оплакивания женщиной – то ли матерью, то ли женой – безвременного ушедшего сына или мужа. Наши студенты одними из первых увидели уникальные греческие надписи I–II вв. н. э., только что на их глазах поднятые водолазами со дна Таманского залива, в том числе посвятельную надпись царя Аспурга и эпитафию Гипсикратии, жены Митридата Великого [29, с. 11–13]. В общем, участие в исследованиях античной Фанагории дает возможность каждому студенту лично прикоснуться к чему-то вечному, непреходящему, тому, что лежит в конечном итоге в основе Европейской цивилизации. И в этом я вижу едва ли не самый главный результат развития научного направления «классическая археология» на историческом факультете Воронежского университета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX вв.) / И. В. Тункина. – М., 2002. – 675 с.
2. Аверинцев С. С. Образ античности в европейской культуре XX в. Некоторые замечания / С. С. Аверинцев // Новое в современной классической филологии. М., 1979. – С. 5–40.
3. Кошеленко Г. А. Введение / Г. А. Кошеленко // Античные государства Северного Причерноморья. – М., 1984. – С. 5–6.
4. Мальберг В. К., Фельсберг Э. Р. Античные вазы и терракоты / В. К. Мальберг, Э. Р. Фельсберг. – Юрьев, 1910. – 58 с.
5. Мальберг В. К., Фельсберг Э. Р. Античные мраморы и бронзы / В. К. Мальберг, Э. Р. Фельсберг. – Юрьев, 1912. – 36 с.
6. Козловская В. И. Этруссские вазы Воронежской коллекции / В. И. Козловская // Немировский А. И., Харсекин А. И. Этруски. Введение в этрусколию. Воронеж, 1969. – С. 144–150.
7. Хайкин С. Р., Немировский А. И. Из истории Воронежского музея изобразительных искусств / С. Р. Хайкин, А. И. Немировский // Из истории Воронежского края. Вып. 5, Воронеж, 1975. С. 110–124.
8. Карпачев М. Д. Воронежский университет. Вехи истории. Воронеж, 2003. – 472 с.
9. Котлярова И. В. Формирование и развитие музеев Воронежского края в региональном культурном контексте / И. В. Котлярова. Автореф. канд. ист. наук. М., 2006. – 24 с.
10. Исторический факультет Воронежского государственного университета (Биографический справочник сотрудников). Воронеж, 2003. – С. 98–99.
11. Немировский А. И. Изучение истории Древнего мира в Воронежском университете / А. И. Немировский // ВДИ. 1967. № 3. – С. 107–111.
12. Исторический факультет Воронежского государственного университета (Биографический справочник сотрудников). Воронеж, 2003. – С. 75–78.
13. Бороздин И. Н. Античная культура на юге России / И. Н. Бороздин. М., 1918. – 47 с.
14. Бороздина П. А. Жизнь и судьба профессора Ильи Николаевича Бороздина / П. А. Бороздина. – Воронеж, 2000. – 405 с.
15. Немировский А. И. К 75-летию профессора И. Н. Бороздина / А. И. Немировский // ВДИ. 1959. № 1. – С. 218–219.
16. Исторический факультет Воронежского государственного университета (Биографический справочник сотрудников). Воронеж, 2003. – С. 183–186.
17. Немировский А. И. История Раннего Рима и Италии. Возникновение классового общества и государства / А. И. Немировский. – Воронеж, 1962. – 299 с.
18. Немировский А. И. Идеология и культура Раннего Рима / А. И. Немировский. – Воронеж, 1964. – 208 с.
19. Скогорев А. П. А. И. Немировский и специализация по истории древнего мира на историческом факультете Воронежского государственного университета / Скогорев // Норция. Воронеж, 1999. Вып. 3. – С. 22–30.
20. Немировский А. И. Нить Ариадны (Из истории классической археологии) / А. И. Немировский. – Воронеж, 1972. – 248 с.
21. Ковалевский В. Н. Проблемный межвузовский семинар «Древние цивилизации» / В. Н. Ковалевский // Новик. Вып. 3. Воронеж, 2000. С. 136–145.
22. Медведев А. П. Программа спецкурса «Классическая археология» / А. П. Медведев. – Воронеж, 2002. – 18 с.
23. Кузнецов В. Д. Фанагория и ее метрополия / В. Д. Кузнецов // Таманская старина. СПб., 2000. Вып. 3. – С. 30–32.

24. Кузнецов В. Д., Латарцев В. Н. и др. Предварительные замечания о портовых сооружениях в Фанагории / В. Д. Кузнецов, В. Н. Латарцев, Колесников А. Б. // Древности Боспора. Вып. 9. М., 2006. – С. 260–280.

25. Кузнецов В. Д. Новые надписи из Фанагории / В. Д. Кузнецов // ВДИ. 2006. №1. – С. 155–173.

26. Медведев А. П. Позднеантичный некрополь Фанагории (раскопки 2005 г.) / А. П. Медведев // Боспорский феномен. СПб., 2007. – С.

27. Болгов Н. Н. Отечественная историография о проблеме континуитета в истории позднего Боспора / Н. Н. Болгов // 3-и Жебелевские чтения. Тез. докл. науч. конф. СПб., 2001. – С. 216–220.

28. Maćczyńska M. La question de l'origine des pendeloques en forme de lunules à décor au repoussé de l'époque des grandes migrations / Maćczyńska M. // La Méditerranée et le monde mérovingien: témoins archéologiques. Aix-en-Provence, 2005. – P. 247–255.

29. Кузнецов В. Д. Фанагория: история исследований и новые находки // ВДИ. 2007. № 1. С.5–15.